

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА

Марк Рац

В своей жизни я водил знакомство и в меру моих способностей сотрудничал с великими мужчинами. И я никогда не видел ни одного плана, который не был бы исправлен соображениями тех, кто способностью разумения сильно уступает тем, кто считается в этом более искушенным.

Эдмунд Беркⁱ

Общественное обсуждение модернизационных идей Д.А.Медведева требует, на мой взгляд, не столько расширения, сколько углубления. Наиболее интересным мне кажется поворот, который наметился в дискуссии разворачивающейся в «Независимой газете». Роза Цветкова обозначила ситуацию совершенно точно: непонятно, что стоит за разговорами о модернизации, а потому «получается как в русской народной сказке – пойдти туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Это почти определение проблемной ситуации, когда жить по-прежнему не удается, а *что* и, главное, *как* делать, – непонятно. И отдельное спасибо Михаилу Делягину, предъявившему очень четкую позицию: закончился, дескать, срок эксплуатации советского наследия, а то, что еще было пригодно в дело, разворовали.

Я с ним во много согласен, но начал бы с фиксации совсем другой точки зрения по поводу этого наследия, разделив его для начала – по советской же традиции – на две составляющие, которые мы привыкли именовать базисом и надстройкой. (Хотя названия эти только мешают пониманию сути дела.) Что касается «базиса», наша «материально-техническая база» предназначалась для строительства коммунизма, а для жизни в цивилизованной стране она изначально и в принципе была непригодна. Расплачиваться же за ее создание пришлось старой российской «надстройкой», которая была разрушена до основания.

По образному выражению Ю.Н.Афанасьева, при этом произошла «подмена народа», иначе говоря, у советских людей сформировалась особая ментальность, образ мысли (и соответствующий образа действий), которые по-прежнему у нас господствуют. Вот эта характерная для советских людей ментальность – наследие более тяжелое, чем бездорожье, дефицит жилого фонда, моногорода со своими «голодообразующими» предприятиями, чудовищная контрастность условий жизни в провинции и столицах, технологическая отсталость или принятые в эксплуатацию недоделанные ГЭС. Наша ментальность, в плену которой оставалось и горбачевское «новое мышление», предопределила неудачи Перестройки, а теперь ведет к забалтыванию модернизационной инициативы Д.А.Медведева.

Советская ментальность

Среди прочих характеристик, с которыми надо разбираться специально, ее определяющая и пагубная особенность состоит в том, что *мы, как пионеры, всегда готовы отвечать на встающие перед нами вопросы и вызовы*. Но при этом отвечаем только на один вопрос: «что делать?» И в упор не видим второго, не менее важного: «как?» Нам важно решить задачу в нужные сроки наличными средствами: на заводе ее решают кувалдой, в правительстве с помощью «ручного управления», но суть у этих средств одна и та же. Она у нас в крови: нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики! Не зря заметил когда-то С.Кордонский, что Россия – страна готовых ответов.

Мы в упор не видим *проблем*, требующих для своего решения предварительной разработки специальных средств для данного случая – в отличие от *задач*, которые решаются наличными средствами. В нашей культуре и различия такого нет: задачи и проблемы – это у нас почти синонимы. А что получается, когда проблемы начинают решать наличными средствами, В.С.Черномырдин объяснил уже давно: хотим как лучше, а получается как всегда. (Отсюда и наше национальное хобби – постоянно наступать на одни и те же грабли.) Не получилось бы так и с модернизацией. Мой тезис состоит в том, что, не разобравшись, «куда идти и что принести», бесполезно обсуждать какие бы то ни было задачи и сроки их решения. И, по-моему, этот тезис ничуть не сложнее «простых задач» М.Деягина. Еще Ленин говорил (а он-то в деле разбирался), что, не решив общих вопросов, в частных мы обязательно запутаемся.

Сложности начинаются дальше: при попытке хотя бы правильно поставить – я уж не говорю о решениях – общие вопросы. (Мне, наверное, нужно просить прощения у читателей за постоянные апелляции к общеизвестным вещам, но что делать, если в самый нужный момент мы о них забываем?)

Что же такое «модернизация»?

Ставя вопрос означенным образом, и более того, с легкостью на него отвечая, мы упорно гнем свою линию, полагая, что модернизация – это нечто существующее независимо от нас, скажем, наподобие лекарства, – готовое средство от всех наших бед и несчастий. Согласно толковым словарям русского языка модернизация означает приведение какой-то устаревшей системы к современному виду. В частности, в истории и социологии подразумевается приведение форм организации жизни в обществе и стране к виду, характерному в наше время для развитых стран Запада. По этому поводу написана целая библиотека, на сей счет есть разные взгляды, но нам пока не до подробностей.

Нужна России модернизация? Вне всякого сомнения. Но представлять модернизацию в форме очередной перестройки или новой волны реформ не стоит: опять получится «как всегда». Я согласен с И. Юргенсом: наша общая задача теперь – разработка программы действий. А это предполагает, что мы должны начать, наконец, обсуждать вопросы «что?» и «как делать?» во взаимосвязи и отвечать на них одновременно. Между прочим, требовать, как многие комментаторы, развернутого ответа на второй вопрос от президента не следует: политика призвана отвечать на вопрос «что?», а «как?» – вопрос в большей степени интеллектуального обеспечения политики, которое у нас пока только формируется. (Сравните

наши ФЭП, ИНСОР с ИНОПом и систему американских «фабрик мысли».) Это нам, комментаторам, надо предлагать на него свои, самые разные версии ответов и обсуждать их.

Возвращаясь теперь к поставленному вопросу, я думаю, что Д.Медведев говорит о модернизации в расширительном значении: речь идет о необходимом преобразовании, обновлении исторически сложившегося у нас уклада жизни и его организационных форм, каковые, подчеркну сразу, не сводятся к экономике. Так ли уж необходимо – по большому счету – следовать западным образцам модерна, вопрос далеко не простой: я не поклонник «особого пути» России и таких изобретений как «суверенная демократия» или «консервативная модернизация», но это тема, достойная специального обсуждения. Пока что я бы предложил толковать «модернизацию» указанным расширительным образом, т.е., считать, что никакого «рецепта» у нас нет, и требование модернизации оставляет вопрос о программе действий открытым. *Модернизация в России – проблема*, а не задача, и это вызывает естественный вопрос:

Какие возможны варианты обновления?

Достаточно поставить такой вопрос, чтобы понять, что ответа на него не только у нас, но вообще в современной культуре нет, а это и означает, что мы находимся в проблемной ситуации. На данном этапе можно наметить пару-тройку смысловых оппозиций. Прошу заметить, что я не навязываю возникающих при этом вариантов выбора стратегии: мне важно их сформулировать и предъявить, а выбор – наше общее дело, требующее серьезного обсуждения.

Начнем с различения и противопоставления естественного и искусственного (обновления): оно ведь может и само идти, естественноисторическим путем, а может осуществляться исключительно нашими силами или при нашем активном участии. Первый вариант в нашей ситуации исключается автоматически, а второй, требует детализации. Не будучи оригиналом, я бы сразу – вслед за президентом – отказался и от чисто искусственного (революционного, радикального, большевистского) способа действий. Остается смешанный «искусственно-естественный» подход, но он тоже предоставляет богатый выбор возможностей. Можно, например, рассчитывать на относительно короткий период интенсивной перестройки, реформирования и т.д. (типа программы «500 дней») с одновременной утилизацией старых, отживших форм. А можно планировать более органичный подход: выращивание, культивирование нового с постепенным (естественным) отмиранием и захоронением старого. Здесь уже выбор не столь очевиден, и я бы избрал комбинированный способ действий: кое-что надо менять, не откладывая, но основной упор лучше сделать на выращивание, «стратегию садовника». Наконец, возвращаясь к *модернизации* в точном словарном значении, я противопоставил бы ей *развитие* и эту тему (включающую, в частности вопрос об «особом пути») обсуждал чуть подробнее.ⁱⁱ

Модернизация и развитие

Имена эти, особенно второе, очень неоднозначны, но применительно к современной ситуации в России и в мире наиболее подходящими кажутся следующие их трактовки. Модернизация, согласно сказанному ранее, может мыслиться как политика (policy), направленная на обновление той или иной системы с целью приведения ее в соответствие с некими образцами современности, признание которых в этом качестве оказывается обязательным условием модернизации. Иными словами, модернизация, если воспользоваться старой метафорой А.Д. Сахарова, это как бы движение по проложенной другими лыжне, движение вслед за первопроходцами, которые в отличие от своих последователей, не имея перед собой образцов современности, вынуждены создавать их сами, вырабатывать на самих себе.

На каких-то этапах своей истории отставшая страна может не различать идеологии модернизации и развития, но по мере приближения к образцам современности, к передовым позициям такое различие становится жизненной необходимостью, поскольку *политика модернизации* обеспечивает существование только и исключительно на вторых ролях. Если Россия стремится занять лидерские позиции в современном мире, переход к *политике развития* оказывается для нее категорическим императивом, и, чем раньше это будет осознано и осмыслено, тем лучше, ибо, как известно, двигаться по свежему снегу несравненно труднее, чем по наезженной лыжне. Это требует, прежде всего, умения ориентироваться на местности и предполагает совсем другое интеллектуальное обеспечение политики, другие методы и средства работы, другие формы организации, например, переход от привычного для нас «внедрения» новшеств к инновационной деятельности. При этом вопрос об «особом пути» России снимается: любая страна, избравшая путь развития, идет своим путем.

Выбор пути

Объединяя теперь (повторю: это мой личный выбор – только для примера) «стратегию садовника» с приоритетной ценностью развития, мы получаем некий тип политики, или рамочную конструкцию, внутри которой – сообразно текущей ситуации – может формироваться конкретная политическая линия. Такой тип политики я называю политикой развития, и он предполагает последовательное, пролонгированное во времени движение, ориентированное на обогащение арсенала средств и развитие нашего мышления, диверсификацию деятельности, увеличение числа степеней свободы и умножение ресурсов страны (в отличие от данного богом сырья). У политика, работающего в такой парадигме, говоря словами Б. Межуева (сказанными, кстати, в довольно близком контексте), «нет ни компаса, ни карты. Даже хуже, ибо, не имея, ни того, ни другого, он лишен еще и представления о той конечной точке, к которой ему надлежит продвигаться». Так что дело, как говорится, сильно на любителя.

Тем не менее, где-то на этом уровне, или этапе выбора ориентиров и способа движения хотелось бы выработать национальное согласие, и я не вижу политических сил, которые должны были бы принципиально возражать против сказанного. (Другое дело, что найдутся немалые силы, чьи шкурные интересы заставят их сопротивляться переменам.) Такова моя интерпретация призыва президента «Россия, вперед!» Однако это

все, как скажут многие читатели, – философия, и будут правы, потому что основная работа начинается дальше: мы ведь не дошли даже до таких исходных для политики различий как внешняя и внутренняя, федеральная и региональная и т.д. Но моя мысль в том и состоит, чтобы восстановить этот пунктирно намеченный выше и обычно пропускаемый, хотя важнейший и определяющий этап размышлений.

Понятно, что развертывание намеченной концепции, мягко говоря, выходит за рамки статьи, тем более, что многие вопросы требуют пока не ответа, а правильной постановки. Но все же одной философией сыт не будешь.

Интеллектуальная инфраструктура обеспечения преобразований

Как хорошо известно, наша деятельность, в т.ч. и особенно обновленческая, приводит к возникновению непредсказуемых, а часто и неконтролируемых последствий. Практически это означает, что целенаправленные преобразования нередко превращаются в неконтролируемые, теряющие смысл перемены. Собственно, эта ситуация и породила упоминавшееся *mot* Черномырдина. Если мы хотим свести эти негативные явления к минимуму, в меняющихся – и меняемых нами – условиях необходимо заняться этой проблемой целенаправленно и последовательно. Для начала систематизировать проработку возникающих здесь вопросов, начиная с вопросов мировоззренческого толка, регулятивов и организации нашего мышления и деятельности в целом, включая переосмысление старых и/или даже выращивание новых их (мышления и деятельности) типов, профессий и кончая конкретными методами и средствами наших действий.

Наиболее важные вопросы такого рода обсуждались на протяжении полувека в работах Г.П.Щедровицкого и Московского методологического кружка (ММК), но вроде бы только сейчас ситуация созрела для обращения к этому кругу идей. (А с другой стороны, м.б., я только теперь созрел для внятного изложения некоторых из них сообразно текущей ситуации.) Центрируясь на преобразованиях, можно заметить, что на смену привычной регулятивной идеи истинности приходит критерий реализуемости, а упомянутые типы можно объединить в три группы:

- прожективные, нацеленные на будущее занятия – выработка идеалов, прогнозирование (естественного хода событий), конструирование, проектирование, программирование;
- аналитические, ориентированные на изучение существующего в настоящем положения дел – мониторинг, авторский надзор, изыскания и экспертиза;
- реконструктивные, направленные на воссоздание (и только после этого анализ) прошлого – история.

Собственно, прямое назначение всех этих занятий – обеспечение необходимыми знаниями любой и всяческой преобразовательной, обновленческой деятельности. Причем знания эти носят не научный, а практико-методический характер, т.е. касаются не законов жизни интересующих нас объектов, а призваны отвечать на вопрос, как нам следует действовать, чтобы добиться нужного результата, сведя при этом к минимуму негативные последствия. Очевидно, что каждый из

перечисленных типов деятельности предоставляет обширное поле для мысли, а здесь я могу только обозначить их функции и содержание.

О чем речь

Важнейший момент состоит в определяющей (для данной системы) роли прожективных деятельностей. Здесь даже не скрывается, а лежит на поверхности фундаментальный факт: конструируют и проектируют то, чего нет, в то время как аналитика и примыкающая к ней наука могут изучать только то, что есть. Вероятно, именно по причине своей очевидности этот факт обычно остается за кадром, хотя в принципе проектно-конструкторская и примыкающая к ней изобретательская деятельности образуют не менее значительную, самостоятельную и важную для общества сферу деятельности, чем наука. Кстати, на их стыке развивается огромная синкретическая область научных исследований и опытно-конструкторских разработок – НИОКР (Research & Development /R&D/). Пагубной привычке связывать проектно-конструкторскую мысль исключительно с традиционной понимаемой техникой («железками»), имеющей понятные советские корни, кажется, – лучше поздно, чем никогда – приходит конец, ибо сюда в принципе относятся и все замыслы перемен в экономике, политике или культуре.

Что касается аналитики, то начать можно с мониторинга. Выделю две его важнейшие ориентации: во-первых, это наблюдения за текущим состоянием «нашей» системы деятельности, с которой мы непосредственно работаем (вместе с ее окружением) и, во-вторых, – за другими аналогичными и, в особенности, конкурентными системами. Надо надеяться, что здесь все понятно без комментариев. Принципиально важно отличать от мониторинга дополнительную и даже парную к нему, хорошо известную проектировщикам систему авторского надзора за уже идущими преобразовательными процессами. (В связи с этим я хоть в скобках подчеркнул бы необходимость и значение для нас самого института авторства, авторских прав и ответственности, – в сфере политики совершенно для нас непривычного: мы ведь приучены к тому, что «есть такое мнение».) Система авторского надзора имеет, как минимум, четыре функции. Первая из них – это сохранение и поддержание смысла преобразований, притом, что содержание их может меняться сообразно непрерывно меняющейся ситуации (скажем, законопроект может модифицироваться в ходе парламентских дебатов). Вторая – анализ, артификация и использование на пользу дела происходящих перемен: авторский надзор потому и авторский, что творческий. Третья – рефлексия и коррекция используемых методов и средств реализации своего преобразовательного замысла. Четвертая – контроль исполнения намеченных изменений на заключительном этапе их реализации.

Если мониторинг и авторский надзор мыслятся как осуществляемые непрерывно, то в ходе продумывания и реализации преобразовательных планов в некоторых «особых точках» – на границах особо важных этапов жизненного цикла преобразований осуществляются еще две парные работы: изыскания и экспертиза. Первые призваны – с точки зрения намечаемых на данный момент преобразований – прорисовать ситуацию, сложившуюся к этому моменту в подлежащей обновлению системе и ее окрестностях; вторая – подвести итоги сделанному на

данный момент, критически их проанализировать и соответственно скорректировать дальнейшие планы.

Здесь нет возможности даже предельно лапидарно обсудить методологические вопросы истории. Поэтому ограничусь одним замечанием: история – далеко не только наука, ибо прежде, чем исследовать прошлое, его надо реконструировать и положить в качестве объекта, – существующего не в прошлом, а в настоящем, – а это огромная конструктивно-аналитическая, а не научная работа.

Понятно, что автономное существование перечисленных типов деятельности (и вместе с тем их отдельное обсуждение) имеют тем больший смысл, чем масштабнее намечаемые перемены. В масштабах малого бизнеса все это сливается воедино, но на уровне, например, федеральных программ или реформаторских проектов без такой дифференциации трудно рассчитывать на успех. На государственном уровне все подобного рода занятия должны не только организовываться и управляться каждый в отдельности, но и сорганизовываться все вместе, а это еще особая работа, известная как оргпроектирование. Таким образом, осуществление преобразовательной деятельности, если мы хотим контролировать ее последствия, требует формирования и задействования целой деятельностной инфраструктуры, которая, между прочим, только и достойна именоваться национальной инновационной (в широком значении) системой.

Еще три тезиса о практике

Вся эта философия может приобрести практический смысл, во-первых, только при наличии соответствующих субъектов действия, которые заинтересованы в реальных переменных, а не в новом словесном оформлении старой политики. Государство, особенно у нас, бесспорно, могло бы стать важнейшим таким субъектом, однако институциональные проекты не реализуются чисто административным путем: они требуют опоры в обществе. В данном случае эта опора хорошо известна, по крайней мере, после классических работ Р. Акоффа: это люди, недовольные сложившимся порядком вещей и положением дел, своим собственным положением, – вот специальная «опора России» при переходе к развитию. А опираясь только на людей, вросших в свои кресла, довольных жизнью и самими собой, можно лишь – до поры до времени – длить прошлое и продолжать разговоры об инновациях, модернизации, конкурентоспособности и прочих сладких вещах. Предприниматели (по понятию, введенному в свое время Йозефом Шумпетером, в отличие от ничего не предпринимających бизнесменов) и политическая оппозиция – характернейшие социальные группы «неудовлетворенцев».

Из сказанного, между прочим, следует, что бессмысленно искать социальную базу преобразований среди морфологически выраженных групп и страт общества, как это пытаются делать социологи. Здесь всё наоборот: осуществлять перемены будут представители заведомо самых разных групп. Их отличительный признак – не социальный статус, возраст или богатство, а гражданская позиция, неудовлетворенность существующим положением дел и активный настрой на перемены, это костяк будущего гражданского общества. Но в наших условиях, когда люди по большей части давно утратили веру в свои возможности как-то

повлиять на сложившееся положение, реалистичнее рассчитывать на инициативу государству, которую и проявил президент.

Во-вторых, специальной проработки требует вопрос о формах совмещения и совместной организации процессов функционирования и развития, или – в более привычной терминологии – одновременного обеспечения стабильности и перемен (модернизации, развития). Наиболее близкие к тому, что нам нужно, прототипы я вижу в разделении топ-менеджмента крупных корпораций на лиц, ответственных за обеспечение развития, с одной стороны, и функционирования, текущей производственной (в широком значении) деятельности – с другой. Сложившаяся у нас форма «тандема» напоминает эту схему, но вообще на страновом уровне и особенно для России это непривычный поворот сюжета.

В-третьих, как всегда у нас, содержательное обсуждение целого узла проблем, просматривающихся за последними выступлениями президента, подменяется речами, не имеющими четкого деятельностного содержания, и/или переходит в привычные формы политиканства. Но, если мы не сумеем организовать диалог представителей разных групп интересов (а это для нас очень непростая задача: мы ее уже двадцать лет решить не можем), ничего у нас не получится.

х х х

Как свидетельствует данное президентом нелицеприятное описание исторически сложившейся ситуации в стране, при всем оптимизме Дмитрия Анатольевича из этой ситуации нет прямой дороги вперед: даже президенты не всемогущи. Вспоминая знаменитую речь Черчилля, произнесенную в начале Второй мировой войны, я бы заметил, что нам придется прокладывать путь по целине, нас ждут большие трудности и тяжелые проблемы, преодоление которых потребует от наших лидеров присущей только великим политикам интеллектуальной честности, а от экспертного сообщества – предельных интеллектуальных усилий.

Тут и прояснится, кто на что способен, по гамбургскому счету.

ⁱ Я специально воспроизвел эпиграф, выбранный К. Поппером для своего «Открытого общества», чтобы подчеркнуть преемственность излагаемых идей.

ⁱⁱ Несколько иным путем пошел Б.Г. Капустин, проблематизировав саму идею модернизации и даже современности как таковой (Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М, 1998). С моей точки зрения, в идейном плане наши подходы достаточно близки.